НЕРАВЕНСТВА И ДИСПРОПОРЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Куконков Павел Иванович,

*кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Приволжский филиал ФНИСЦ РАН,
Нижний Новгород.
E-mail: Kukonkov_pavel@rambler.ru*

Морозова Наталья Михайловна,

*кандидат политических наук, заместитель директора,
Приволжский филиал ФНИСЦ РАН;
доцент кафедры международных отношений и политологии,
НГЛУ им Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород.
E-mail: 4379037@gmail.com*

Устинкин Сергей Васильевич,

*Доктор исторических наук, профессор, директор,
Приволжский филиал ФНИСЦ РАН;
декан ФМОЭУ НГЛУ им Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород.
E-mail: sv. ustinkin@gmail.com*

Аннотация. В статье на основании социологических и статистических данных анализируются региональные неравенства и диспропорции социально-экономического развития субъектов Приволжского федерального округа, расселенческие и демографические характеристики регионального социального пространства, обосновывается вывод о том, что оценка населением ситуации по месту жительства во многом обусловлена локально-территориальным фактором, «обнажающим» глубину и масштаб неравенств. В статье фокусируется внимание на том, что сохраняющиеся и воспроизводящи-

еся диспропорции социально-экономического развития субъектов ПФО отнюдь не случайны, достаточно стабильны и представляют собой определенную самовоспроизводящуюся систему, формирующую в различных локально-территориальных общностях внутри регионов специфическую совокупность факторов социального напряжения. Авторами статьи сконструированы индексы, позволяющие построить иерархию субъектов ПФО по основным социально-экономическим показателям. Особое внимание в статье уделяется влиянию миграционных потоков на состояние сферы труда, усиливающих риски негативных сценариев развития межэтнических отношений, которые обусловлены присутствием в рамках конкретной локально-территориальной общности этнических групп, конкурирующих с представителями принимающего сообщества. В статье обосновывается вывод о том, что проводимая государством политика по сглаживанию региональных диспропорций недостаточно эффективна, избирательна и слабо влияет на процесс их социально-экономического развития, способствуя не только сохранению, но и углублению существенных межрегиональных различий.

Ключевые слова: полиэтнический регион, социально-экономическое развитие, региональные различия, региональные неравенства, региональные диспропорции, миграция.

INEQUALITIES AND DISPROPORTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT MULTIETHNIC REGION OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT – VOLGA FEDERAL DISTRICT)

Kukonkov Pavel Ivanovich,
*Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
 Volga branch of the Federal Center
 of Theoretical and Applied Sociology Academy of Sciences,
 Nizhny Novgorod, Russia.
 E-mail: kukonkov_pavel@rambler.ru*

Morozova Nataliya Mikhailovna,

Candidate of Political Sciences, Deputy Director,

Volga branch of the Federal Center

of Theoretical and Applied Sociology Academy of Sciences;

Associate Professor, Chair of International Relations and Political Science,

Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: 4379037@gmail.com

Ustinkin Sergey Vasil'evich,

Doctor of Sociological Sciences, Director,

Volga branch of the Federal Center

of Theoretical and Applied Sociology Academy of Sciences;

Dean of the Faculty of International Relations, Economy and Management,

Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: sv. ustinkin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to analysis of demographic characteristics of regional social space of the Volga Federal District on the basis of sociological and statistical data regional inequalities and disproportions of social and economic development of regions of the Volga Federal District, a conclusion that assessment by the population of a situation at the place of residence is in many respects caused by the local and territorial factor “baring” depth and scale of inequalities is proved. The article is focused on the fact, that the remaining and reproduced disproportions of social and economic development of subjects of Volga federal district are not accidental, rather stable at all and represent the certain self-replicating system forming in various local and territorial communities in regions specific set of factors of social tension. Authors offer the indexes allowing to construct hierarchy of subjects of Volga federal district on the main socio-economic indexes. Special attention in article is paid to influence of the migration flows on a condition of the sphere of work enhancing risks of negative scenarios of development of the interethnic relations which are caused by presence within specific local and territorial community of the ethnic groups competing with representatives

of the accepting community. Authors make a conclusion that the policy on smoothing of regional disproportions pursued by the state is insufficiently effective, selective and poorly influences process of their social and economic development, promoting not only preservation, but also deepening of essential inter-regional distinctions.

Keywords: multiethnic region, social and economic development, regional distinctions, regional inequalities, regional disproportions, migration.

Неравенство, одна из наиболее актуальных проблем современного мира, стало одной из центральных проблем социологии. Именно эта проблема находилась в центре внимания участников международного социологического конгресса «Лицом к неравному миру: вызовы для глобальной социологии» (Йокогама, 2014 г.), и конференции, организованной Европейской социологической ассоциацией, «Различия, неравенства и социологическое воображение» (Прага, 2015 г.) [Вершинина 2016: 74].

По данным, представленным в Программе развития ООН (ПРООН), Российская Федерация входит в группу стран с очень высоким индексом человеческого развития (ИЧР), занимая 49 место (0,816). Вместе с тем, ИЧР России, скорректированный с учетом неравенства (ИЧРН), составляет 0,738. По коэффициенту Джини за 2010–2017 гг. Россия замыкает список первых 50-ти стран с очень высоким уровнем ИЧР. Авторы ПРООН подчеркивают, что упорно сохраняющийся высокий уровень неравенства является одним из фундаментальных вызовов на пути обеспечения в будущем устойчивого прогресса в области человеческого развития. Если скорректировать ИЧР с учетом неравенства, то общемировое значение этого индекса снижается на 20% [Программа... 2018: 13, 30]

Мы разделяем подход, фиксирующий различие моделей социальной организации и управления в регионах России, а также недооценку нашим политическим классом значения для страны крупномасштабной модернизации с учетом глубоких межрегиональных различий между нашим севером и югом,

западом и востоком [Тихонов 2018: 72–83]. Следует подчеркнуть, что существенные трансформации социально-экономических процессов в России, нередко сопровождаемые элементами деструкции, привели к углублению межрегиональных различий и диспропорций.

Представляется обоснованным вывод, в соответствии с которым сложившуюся территориальную дифференциацию следует считать не только результатом неравномерного развития различных регионов в течение прошедшего исторического периода, но и следствием процессов ее непрерывного воспроизводства в современных условиях под воздействием определенных внутренних и внешних факторов [Богатырева 2016: 14].

Анализ региональных неравенств и диспропорций предполагает особое внимание к расселенческой и демографической характеристикам регионального социального пространства, что предполагает подход, включающий статистические методы, позволяющие оценить степень расслоения по уровню жизни населения в различных регионах, социологические методы, позволяющие выявить и описать их мнение о существующих социальных различиях и диспропорциях. Исходя из этого, при подготовке статьи были использованы результаты социологических исследований ФНИСЦ РАН, Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, данные Росстата, экспертные оценки по всему кругу рассматриваемых проблем.

Некоторые эксперты отмечают, что вклад региона в общее неравенство можно определить по разности долей региона по реальному ВРП и численности населения [Маслихина 2017: 85–91]. На наш взгляд, социально-идентификационные особенности конкретного региона представляют собой результат многомерной дифференциации, одним из оснований которой выступает масштаб межрегиональных различий, неравенств и диспропорций.

Данные статистики, представленные в таблице 1, свидетельствуют о существенных диспропорциях развития регионов РФ по показателям уровня жизни населения [Сайт... 2019].

Представляется вполне обоснованным предположение о том, что очень высокое пространственное неравенство может служить барьером регионального развития и источником социальной

Таблица 1. Разница между максимумом и минимумом основных показателей развития регионов РФ в отношении уровня жизни населения в 2016 г.

Регион	Прожиточный минимум, руб. в мес.	Средняя заработная плата, руб. в мес.	Уровень безработицы, декабрь, %	Естественный прирост населения, чел. в год.
Максимальное значение	14955	46077	3,2	+73386
Минимальное значение	8650	22953	0,8	-58884
Разница	6305	23124	2,4	132270

напряженности [Маслихина 2017: 85–91]. Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что проводимая в настоящее время государственная политика способствует не только сохранению, но и углублению существенных межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития [Кузнецова 2017: 266–273].

Следует отметить, что правительство РФ, понимая значимость этой проблемы, сформировало Федеральную целевую программу «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)», основной целью которой было заявлено сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов Российской Федерации, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 г. в 1,5 раза, а к 2015 г. – в 2 раза [О федеральной... 2001].

По итогам реализации Программы, в 2017 г. доля дотаций в общем объеме межбюджетных трансфертов из федерального бюджета составила практически две трети (62,3%), в бюджетах 8 субъектов РФ доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних лет превышала 40% объема собственных доходов. Вместе с тем, по заключению Счетной

палаты, показатели социально-экономического развития дотационных субъектов не находятся в прямой зависимости от объема предоставляемых дотаций [Бюллетень... 2019].

Разработчики Программы в 2001 г. отмечали, что в ПФО наблюдается тенденция к стабилизации социально-экономического развития, хотя практически все показатели этого региона ниже среднего по России. К неблагополучным относятся Коми-Пермяцкий автономный округ, Пензенская, Кировская и Ульяновская области, Чувашская Республика, Республики Мордовия и Марий Эл. Улучшение социально-экономической ситуации характерно для Республик Башкортостан и Татарстан, Нижегородской, Самарской и Саратовской областей [О федеральной... 2001].

Экспертный опрос ИС РАН в 2007 г. зафиксировал основные факторы развития российских регионов: среди значительно влияющих факторов на первом месте в большинстве регионов эксперты отметили – развитие предприятий. Второе место заняло отношение федерального центра к региону, третье – наличие (или недостаток) энергетических ресурсов. Авторы исследования отметили, что во многих регионах ПФО после фактора развития предприятий указывался фактор уровня и качества жизни, что свидетельствует о резкой социальной дифференциации населения и повышенной степени социальных притязаний [Маркин 2007: 246].

Что изменилось за время реализации Программы? Об этом можно судить на основании результатов исследования, проведенного специалистами «РИА-Рейтинг», которые ранжировали более семидесяти показателей, оценивающих различные стороны жизни населения в регионах России [Где на Руси... 2017]. На основании этих данных мы попытались определить место субъектов ПФО в рейтинге лучших для жизни регионов РФ (таблица 2).

Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что 10 из 14 субъектов ПФО занимают место в верхней половине иерархии. В нижней половине иерархии оказались Пермский край, Мордовия, Кировская область и Республика Марий Эл. Данные РИА-Рейтинг в основном подтверждаются в ходе иерархизации регионов ПФО по индексу человеческого развития [Доклад... 2018: 168–169].

Таблица 2. Иерархия российских регионов по уровню жизни (РИА-Рейтинг)

Регионы	Рейтинговый балл Мин. 1 / Макс. 100	Место в рейтинге 2017
г. Москва	76,92	1
г. Санкт-Петербург	75,88	2
Московская область	70,55	3
Республика Татарстан	65,59	4
Нижегородская область	55,50	14
Самарская область	52,81	20
Республика Башкортостан	50,53	24
Пензенская область	49,10	27
Ульяновская область	47,46	31
Саратовская область	46,75	33
Удмуртская Республика	46,34	36
Чувашская Республика	45,96	40
Оренбургская область	45,86	41
Пермский край	45,26	44
Республика Мордовия	44,77	46
Кировская область	40,14	60
Республика Марий Эл	39,58	63
Республика Ингушетия	19,53	84
Республика Тыва	13,96	85

Анализ данных таблиц 2 и 3 свидетельствует о том, что ситуация в субъектах ПФО с начала века мало изменилась. Обращают на себя внимание различия указанных иерархий, что свидетельствует не только об особенностях методик, используемых авторами, но и о степени необходимости и достаточности измеряемых показателей.

Для упрощения анализа в отдельных случаях могут быть использованы частные иерархии. Предпринятая нами попытка иерархизации субъектов ПФО по соотношению величины прожиточного минимума и среднего дохода дала следующие результаты: на вершине иерархии оказались Татарстан (26,3%),

Башкортостан (30,3%) и Нижегородская область (29,6%). Вместе с тем в 7 субъектах ПФО (Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Кировская области, Республики Мордовия, Чувашия, Марий Эл) это соотношение превышает 40%. Для сравнения, в России – 32% [Средний... 2018].

Далее представлены некоторые результаты иерархизации субъектов ПФО по другим основаниям [Регионы... 2017: 52]:

- по площади территории в ПФО лидируют Пермский край (23 место в России), Башкортостан (27), Оренбургская область (29), Кировская область (30) и Саратовская область (32);
- по численности населения – Башкортостан (7 место в России), Татарстан (8), Нижегородская область (10);
- по размеру валового регионального продукта на душу населения – Татарстан (16 место в России), Пермский край (23), Самарская область (27);

Таблица 3. Рейтинг регионов ПФО по индексу человеческого развития в 2016 г.

Субъект ПФО	ИЧР	Место в рейтинге
Республика Татарстан	0,905	1
Самарская область	0,874	2
Удмуртская Республика	0,871	3
Оренбургская область	0,870	4
Пермский край	0,866	5
Нижегородская область	0,863	6
Республика Башкортостан	0,859	7
Саратовская область	0,858	8
Пензенская область	0,853	9
Республика Мордовия	0,853	10
Кировская область	0,849	11
Ульяновская область	0,848	12
Чувашская Республика	0,843	13
Республика Марий Эл	0,842	14

– по демографической нагрузке на 1000 человек трудоспособного возраста лиц нетрудоспособных возрастов: в Кировской области – 867, в Пензенской области – 813, в Удмуртии – 804, Оренбургской области – 802, в Пермском крае – 800, Ульяновской области – 799. Нижегородской области – 793;

– по поступлению налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения: Татарстан (14 место), Оренбургская область (16), Самарская область (17), Пермский край (18).

Для упрощения анализа, на основании статистических данных [Регионы 2017: 53–54] нами были сконструированы индексы¹,

¹ Индексы, условно названные как «Экономика» и «Социум», которые мы используем как инструменты классификации и сравнения. Вычисление общего индекса социально-экономического развития субъекта РФ производился путем присвоения региону балльной оценки по каждому из показателей в ранжированном в списке и сложения баллов по всем показателям:

– индекс (экономика) строился на основании ранжированного списка субъектов ПФО по следующим статистическим показателям: площадь территории (тыс. км²), численность населения на 1 января 2018 г., (тыс. человек), поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей бюджетную систему РФ – на душу населения, валовой региональный продукт на душу населения в 2016 г., инвестиции в основной капитал на душу населения, основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости, на конец года), объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, продукция сельского хозяйства, ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения.

– индекс (социум) строился на основании ранжированного списка субъектов ПФО по следующим статистическим показателям: удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования, оборот розничной торговли на душу населения, число персональных компьютеров на 100 работников, среднедушевые денежные доходы (в месяц), среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций, уровень занятости, уровень безработицы, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, численность студентов, обучающихся по программам высшего образования на 10000 человек населения.

Таблица 4. Иерархия субъектов ПФО по индексам основных социально-экономических показателей

№	Субъект ПФО	Индекс (экономика)	№	Индекс (социум)
1	Республика Татарстан	0,133	1	0,272
2	Самарская область	0,202	4	0,361
3	Республика Башкортостан	0,212	3	0,348
4	Пермский край	0,213	5	0,420
5	Оренбургская область	0,252	7	0,437
6	Нижегородская область	0,303	2	0,302
7	Саратовская область	0,318	10	0,492
8	Удмуртская Республика	0,388	8	0,443
9	Ульяновская область	0,448	9	0,476
10	Пензенская область	0,487	6	0,434
11	Чувашская Республика	0,574	13	0,565
12	Республика Мордовия	0,581	12	0,523
13	Республика Марий Эл	0,607	14	0,597
14	Кировская область	0,628	11	0,505

позволяющие построить иерархию субъектов ПФО по основным социально-экономическим показателям (таблица 4).

Обращает на себя внимание совпадение места в иерархии рассматриваемых индексов в таких регионах, как Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, Ульяновская область, Мордовия. Можно предположить относительно большую сбалансированность процессов развития экономики и социальной сферы в этих регионах. Вместе с тем имеет место и заметное расхождение указанных индексов в таких областях, как Кировская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская. Причем только Саратовская область по индексу «Экономика» занимает более высокое место, чем по индексу «Социум». В остальных областях, в которых наблюдается заметное расхождение индексов, картина обратная.

Таблица 5. Иерархия субъектов ПФО по индексу напряженности на рынке труда

№	Субъект ПФО	Индекс ¹
1	Республика Татарстан	0,925
2	Республика Марий Эл	0,623
3	Пермский край	0,608
4	Ульяновская область	0,510
5	Республика Мордовия	0,455
6	Оренбургская область	0,450
7	Саратовская область	0,420
8	Республика Башкортостан	0,410
9	Удмуртская Республика	0,355
10	Пензенская область	0,320
11	Самарская область	0,298
12	Чувашская Республика	0,288
13	Кировская область	0,225
14	Нижегородская область	0,133

Существенная диспропорциональность социально-экономического развития субъектов ПФО неизбежно сказывается на состоянии сферы труда, одним из важных показателей которой выступает уровень участия в рабочей силе, определяемый как отношение численности рабочей силы определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы. В 2018 г. в ПФО численность лиц, не входящих в состав рабочей силы в трудоспособном возрасте, составила 2919 тыс. По числу лиц, не выразивших желание работать, лидируют Башкортостан, Татарстан, Самарская область и Пермский

¹ Индекс строился на основании ранжированного списка субъектов ПФО по следующим статистическим показателям: уровень безработицы, коэффициент напряженности, среднее время поиска работы безработными, удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более. Места по субъектам определены на основе ранжирования значений показателей в порядке возрастания.

Таблица 6. Влияние присутствия мигрантов на повседневную жизнь поселения

Насколько сильно влияет присутствие мигрантов в вашем городе (поселении) на Вашу жизнь?	Нижний Новгород	Средние и малые города	Сельская местность
Сильно влияет	11,1	5,7	5,1
Влияет незначительно	31,0	28,3	21,2
Практически не влияет	44,4	53,3	53,4
Никак не влияет	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	13,6	12,7	20,3

край, а по числу отчаявшихся найти работу – Башкортостан и Пермский край. Значительно меньше их зафиксировано в республиках Мордовия и Татарстан. Иерархия субъектов ПФО по индексу напряженности на рынке труда представлена в таблице 5 [Рабочая сила... 2018: 125].

Среди субъектов ПФО по индексу напряженности на рынке труда бесспорное лидерство принадлежит Республике Татарстан. Обращает на себя внимание и то, что на последнем месте в этой иерархии оказалась Нижегородская область, по большинству показателей занимавшая места в центре иерархического списка.

Социальная ситуация в полиэтническом регионе предполагает внимание не только к активно обсуждаемым процессам адаптации человека в иной среде, но и к проблемам принимающего сообщества. Риск обострения межэтнических отношений возрастает по мере нарастания миграционных потоков, объективно изменяющих баланс между этническими и религиозными группами в различных субъектах ПФО.

Следует отметить сложность состава населения ПФО в этнокультурном отношении – более 180 этнических сообществ, из которых самые многочисленные русские (65% населения ПФО), татары (14%), чуваша (5%), башкиры (5%), мордва (2%), удмурты (2%), марийцы (2%), украинцы (1%), казахи (1%), армяне, азербайджанцы, коми-пермяки [Межэтнические... 2013: 7].

Таблица 7. Связь между местом проживания и отношением к лицам другой национальности

Как вы относитесь к лицам другой национальности?	Нижний Новгород	Средние и малые города	Сельская местность
Положительно	31,0	16,0	21,2
Нейтрально	58,5	67,7	67,8
Отрицательно	10,5	16,3	11,0

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что в массовом сознании принимающего населения полиэтнического региона отсутствует внятное понимание того, кто может быть отнесен к мигрантам. Непонимание сути явления ведет к возрастанию рисков реализации негативных сценариев развития отношений между мигрантами и принимающим населением. Следует отметить, что значительная часть принимающего сообщества ощущает влияние мигрантов на повседневную жизнь в месте проживания¹.

Данные таблицы 6 свидетельствуют о том, что присутствие мигрантов сильно влияет на жизнь населения крупного регионального центра и заметно слабее в сельской местности. Достаточно очевидно, что такая оценка обусловлена масштабами присутствия мигрантов в той или иной локально-территориальной общности. Именно в крупном городе изменение баланса этнических групп ведет к усилению конкуренции с представителями принимающего сообщества.

Обращает на себя внимание то, что в крупном городе наблюдается более сбалансированное отношение к лицам другой национальности. Негативное отношение к ним сравнительно чаще наблюдается в средних и малых городах (таблица 7).

Данные нашего исследования свидетельствуют о заметных различиях в отношении населения полиэтнического региона

¹ Здесь и далее приводятся результаты социологического исследования населения Нижегородской области в октябре 2017 г. – феврале 2018 г. сотрудниками Приволжского филиала ФНИСЦ РАН. Выборочная совокупность исследования – 970 респондентов. Выборка: случайная, репрезентативная по основным социально-демографическим характеристикам.

Таблица 8. Сравнительная оценка населением ситуации в муниципальном образовании

Какова ситуация в других городах и районах области по сравнению с вашим?	Нижегородская область	Нижний Новгород	Малые и средние города	Сельское население
Безусловно хуже	3,6	4,1	3,8	1,6
Скорее хуже	13,2	13,8	15	5,5
Не отличается	40,4	36,3	38,9	56,0
Скорее лучше	18,5	14,8	20,9	19,8
Безусловно лучше	4,5	5,3	4,7	2,0
Нет ответа	19,8	25,7	16,7	15,1

к мигрантам и представителям другой национальности, постоянно проживающим в конкретной локально-территориальной общности. Причем отношение к мигрантам более негативное, особенно в средних и малых городах.

Эксперты подчеркивают, что неравенство по доходам приводит к сильнейшему неравенству в доступе к материальным благам, услугам образования и здравоохранения [Козырева 2018: 290–318]. Поскольку труд мигрантов используется в своих интересах незначительной частью принимающего населения, можно предположить, что по мере нарастания миграционных потоков неравенство усиливается. Это обстоятельство усугубляет ситуацию в субъектах ПФО, для которой характерны полиэтнический состав принимающего населения, значительные масштабы миграционных потоков в сочетании с нерешенностью проблем жизнеобеспечения значительной части принимающего населения.

Следует отметить, что население ощущает эти различия. В частности, по данным регулярных опросов населения Республики Татарстан в 2012–2017 гг., проблема «большого количества инокультурных мигрантов» все указанные годы оставалась ведущей в рейтинге проблем, которые беспокоят жителей РТ больше всего в сфере межнациональных отношений [Этничность и межнациональные... 2017]. Это обстоятельство сказывается на оценке ситуации в других субъектах ПФО. В частности, треть

опрошенных в Нижегородской области, убеждена в том, что ситуация в других районах области отличается от ситуации в их районе. Причем каждый пятый из них (21%) считает, что в других городах и районах области ситуация лучше, тогда как 12% отметили, что там ситуация хуже (таблица 8).

Необходимо подчеркнуть, что показатель удовлетворенности жизнью также заметно варьирует в зависимости от места проживания. В связи с этим представляется закономерным то, что неудовлетворенных жизнью сравнительно больше именно среди населения средних и малых городов Нижегородской области – 21%.

Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что оценка населением ситуации по месту жительства во многом обусловлена локально-территориальным фактором, который «обнажает» глубину и масштаб неравенств. Нами была выявлена связь между местом проживания и оценкой распространенности основных форм социального неравенства (таблица 9).

Наиболее распространенными во всех локально-территориальных общностях являются неравенства в распределении

Таблица 9. Связь между местом проживания и оценкой распространенности основных форм социального неравенства

Какие из видов социального неравенства, по Вашему мнению, являются наиболее распространенными?	Нижний Новгород	Средние и малые города	Сельская местность
Неравенство в обладании собственностью	31,2	22,3	30,5
Неравенство в распределении доходов	58,7	70,7	71,2
Неравенство жилищных условий	34,1	37,7	40,7
Неравенство между мужчинами и женщинами	15,8	12,7	11,0
Неравенство по национальному (этническому) признаку	35,5	27,0	22,0
Неравный доступ к социальным услугам	42,6	42,0	50,9
Другое	0,5	0,7	1,7

доходов. Обращает на себя внимание, что этот вид социального неравенства сравнительно более распространен в сельской местности, а также в средних и малых городах. Скорее всего этот факт объясняется большей информированностью жителей о доходах друг друга.

На втором месте по степени распространенности находятся неравный доступ к социальным услугам. Особенно остро ощущается этот вид неравенства жителями сельской местности. Неравенство по национальному (этническому) признаку оказалось на третьем месте по степени распространенности в Нижнем Новгороде. В сельской местности, а также в средних и малых городах этот вид неравенств ощущается несколько меньше. Здесь на третьем месте – неравенство жилищных условий.

Мы предполагаем, что в основании потенциальной межэтнической конфликтности в полиэтническом регионе лежит рассогласование интересов различных этнических групп в условиях конкретной локально-территориальной общности. Высокие риски негативных сценариев развития межэтнических отношений обусловлены присутствием в рамках конкретной локально-территориальной общности этнических групп, конкурирующих с представителями принимающего сообщества. Усиление такой конкуренции является важным фактором роста межэтнических напряжений и возникновения конфликтов на национальной и религиозной почве (таблица 10).

Данные таблицы 10, свидетельствуют о том, что присутствие этнических групп, конкурирующих с представителями принимающего сообщества в условиях крупного города, чаще ведет к конфликтам на национальной или религиозной почве: две трети нижегородцев (66%) были свидетелями таких конфликтов. Вместе с тем значительная часть опрошенных в средних и малых городах (43%) и большинство в сельской местности (56%) заявило о том, что не были свидетелями подобных конфликтов.

Полученные нами данные свидетельствуют не только о том, что поликультурное и полиэтническое многообразие обуславливает формирование рисков доминирования отдельных этнических групп на локальных территориях, в отдельных секторах экономической деятельности [Дмитриев 2017: 100], но также

Таблица 10. Распространенность конфликтов на национальной и религиозной почве в Нижегородской области

Были ли Вы лично свидетелем конфликтов на национальной или религиозной почве?	Нижний Новгород	Средние и малые города	Сельская местность
Да, часто	9,6	8,0	5,1
Да, но редко	23,9	22,0	16,1
Один-два раза	26,5	21,0	17,8
Нет, не был	34,1	43,3	55,9
Затрудняюсь ответить	6,0	5,7	5,1

и о сохранении рисков формирования «...имеющих этнокультурную этиологию зон хронической напряженности» [Андреев 2017: 29] в городах полиэтнического региона.

По данным ВЦИОМ, последние 10 лет заметно ухудшается отношение к присутствию приезжих других национальностей в следующих сферах: строительство и ремонт, продовольственные и вещевые рынки, общественный транспорт, медицина (врачи, медсестры, нянечки), образование (воспитатели, учителя). Причем, значительное большинство (72–75%) плохо относится к их присутствию в таких сферах, как правоохранительные органы и органы местной власти и самоуправления [ВЦИОМ 2016].

Результаты нашего исследования свидетельствуют об актуализации вывода, сделанного В. В. Степановым в конце прошлого века: наиболее стабильны в Волго-Уральском регионе лишь 8 (из 21) крупных административных единиц, где преобладает русское население. С геополитической и экономической точек зрения ныне сравнительно спокойный Волго-Уральский регион в будущем может стать проблемой номер один. Он вмещает громадные экономические и людские ресурсы. При остром развитии этнополитического кризиса этот регион может разъединить индустриальную европейскую Россию и индустриально-сырьевую Сибирь [Степанов 1994: 301].

Учитывая риски возникновения негативных сценариев развития межэтнических отношений в полиэтническом регионе,

трудно объяснить значительные диспропорции в объемах финансирования государственной национальной политики по отдельным субъектам ПФО. В частности, в рамках ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», Башкортостану было выделено 33,8 млн. руб., Пермскому краю – 27,8, Татарстану – 17,9, Удмуртии – 17,4, Самарской области – 12,2, Мордовии – 9,4, Марий Эл – 1,9 млн. Саратовской области было выделено только 24 тыс. руб., а Оренбургская область и Чувашия вообще не попали в список регионов, получивших субсидию из федерального бюджета [Межэтнические отношения... 2015: 7]. Эти факты убедительно свидетельствуют об избирательном, недостаточно обоснованном подходе в деле преодоления диспропорций и различий между регионами.

В приложении к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. приведен перечень 14 текущих крупных центров экономического роста Российской Федерации, выделенных как «Ядра» крупнейших городских агломераций (с численностью населения в «ядре» более 1 млн. человек), включающий 5 городов ПФО: Казань, Нижний Новгород, Самара–Тольятти, Уфа, Пермь [Стратегия... 2017].

Достаточно очевидно, что Стратегия ориентирована исключительно на точки роста, которыми признаются большие агломерации, зоны сырьевого развития или сельскохозяйственные зоны, при этом из проекта выпадают средние, малые города, сельские поселения [Гражданское..., 2018], т.е. именно те территории ПФО, которые, судя по результатам нашего исследования, больше других нуждаются в поддержке.

Представляется достаточно обоснованным вывод о том, что проводимая государством политика по сглаживанию региональных диспропорций недостаточно эффективна, избирательна и слабо влияет на процесс их социально-экономического развития. Мы разделяем подход А. В. Тихонова, фокусирующего внимание на проблеме соответствия системы власти и управления в стране решению проблем модернизации регионов, которые объективно (исторически) находятся на разных этапах цивилизационного развития [Тихонов 2018: 72–83].

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что сохраняющиеся и воспроизводящиеся диспропорции социально-экономического развития субъектов ПФО отнюдь не случайны, достаточно стабильны и представляют собой определенную самовоспроизводящуюся систему, формирующую в различных локально-территориальных общностях внутри регионов свою, специфическую совокупность факторов социального напряжения. Причем в условиях ПФО велики риски того, что эта совокупность может приобрести выраженную «этническую окраску».

Список литературы

- Андреев А. Л. 2017. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03.
- Богатырева И. А., Криковцова М. Н. 2016. Проблемы дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития С. 13–24 // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края: сборник статей / под ред. В. В. Мищенко. Вып. 8. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 224 с.
- Бюллетень Счетной палаты № 1 (январь) 2019 г. Электронный ресурс. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/937/> (дата обращения: 20.02.2019).
- Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. 2016. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. № 3. С. 74–91. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-3-57-64>
- ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3072. 30 марта 2016 года. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> (дата обращения: 28.02.2019).
- Где на Руси жить хорошо: названы лучшие для жизни российские регионы 2017. «РИА Рейтинг». Внешнеэкономические связи. Информационное агентство. ВЭС-РФ. URL: <http://ves-rf.ru/a/article/u130037/2018/02/14/64489> (дата обращения 25.02.2019).

Гражданское общество России и приоритеты национального развития. Отчет ОП РФ за 2018 год. URL: <https://report2018.oprf.ru/ru/1.php> (дата обращения: 26.02.2019).

Дмитриев А. В., Воронов В. В., Михайлова Е. А. 2017. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диспориных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 97–124. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.06. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/142/2017_142_06_Voronov.pdf (дата обращения: 28.02.2019).

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / Под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.

Козырева П. М., Смирнов А. И. 2018. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф. 472 с.

Кузнецова В. А. 2017. Диспропорции экономического развития регионов России С. 266–273 // Электронное-научно-практическое периодическое издание «Экономика. Менеджмент. Человек». № 3. URL: <https://s.siteapi.org/f48d818f18b0289/docs/kvxgg85n85s8oc8w04ogow4w8wcksw> (дата обращения: 27.02.2019).

Маслихина В. Ю. 2017. Мониторинг и регулирование пространственного неравенства для снижения угрозы экономической дестабилизации // «Общество: политика, экономика, право». Выпуск № 11. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/rep/2017/11/economics/maslikhina.pdf (дата обращения: 28.02.2019). DOI: <https://doi.org/10.24158/rep.2017.11.15>

Маркин В. В. 2008. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов. С. 229–249 // Россия реформирующаяся. № 7. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17904823_99767587.pdf (дата обращения: 28.02.2019).

- Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.-Ижевск. 2013. 118 с. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2058.pdf> (дата обращения: 24.02.2019).
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2015 года / Ред. Тишков В. А., Амелин В. В., Степанов В. В. М.-Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 184 с.
- О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)»: Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 4. Ст. 4100.
- Программа развития ООН: Индексы и индикаторы человеческого развития. Статистическое обновление за 2018 год. URL: <http://www.hdr.undp.org/> (дата обращения: 25.02.2019).
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018. Ст. сб. / М.: Росстат, 2018. 142 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (дата обращения: 22.02.2019).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М., 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/Main.htm (дата обращения: 25.02.2019).
- Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (дата обращения: 14.02.2019).
- Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Обновлено 22.06.2018. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-6.htm (дата обращения: 18.01.2019).
- Степанов В. В. 1994. Очаги межэтнической напряженности: реальность и прогноз // Вестник РАН. Том 64. № 4. URL: http://www.ras.ru/publishing/rasherald/rasherald_articleinfo.

aspx?articleid=20d11873-7c8d-4547-8de8-47aab2236b86 (дата обращения: 25.02.2019).

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года разработана на основании «Основ государственной политики регионального развития на период до 2025 года», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. URL: <http://os.economy.gov.ru/documents/11006/0/Стратегия+пространственного+развития+Российской+Федерации+на+период+до+2025+года/720a4879-027b-497a-aef0-9f37f02c03f4> (дата обращения: 28.02.2019).

Тихонов А. В. 2018. Реформирование властно-управленческой вертикали как актуальная научно-исследовательская и практическая проблема. Социологическая наука и социальная практика. № 4 (24). Т. 6. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6085>

Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте // ИНАБ № 3 / [Л. М. Дробижева и др.]; отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 126 с. DOI 10.19181/inab.2017.3